

Иван Алексеевич Бунин

ВОДЫ МНОГИЕ

Оригинал здесь: [Электронная библиотека Яблучанского](#).

Господь над водами многими...

Псалтирь

12 февраля 1911 г., ночью, в Порт-Саиде.

Первая ночь на "Юнана". Капитан сказал, что пойдем не спеша, на Цейлоне будем не раньше, чем через полмесяца, и я чувствую себя в этой большой и покойной каюте уже как дома, хозяином.

Вышло как раз то, о чем мы мечтали зимой в Египте: попасть на один из тех пароходов, которые, будучи пассажирскими, ходят теперь в качестве грузовых по своей отсталости от современных удобств, по слишком ограниченному числу кают, по долгим стоянкам в портах. "Юнан" довольно велик, прост и стар, но чист, крепок, сидит глубоко, его кают-компания и двенадцать пассажирских помещений расположены не на корме, а на спардеке. Все каюты, кроме двух наших, пусты, - "вы будете как на собственной яхте", пошутил капитан, принимая нас в виде исключения на "Юнан". Он прибавил: "Только вам придется жить с экипажем совсем по-семейному, довольствоваться тем, что готовят нам, время проводить почти в одиночестве, - ведь мы круглые сутки заняты". Но это-то нам и нравится, сказали мы ему.

Капитан, крепкий, полнеющий француз, по-французски самодоволен и уверен в себе, по-французски предупредителен и вежлив с нами, но и равнодушен по-французски, говорит любезности и остроты, не меняя выражения лица. Два его помощника и младший механик малозаметные фигуры. Механик старший, - большой, грузный, усатый брюнет с несколько как бы яростными и изумленными глазами, я думаю, недалек, горяч и отходчив. Остальные обитатели "Юнана" - повар, два поваренка, подросток-китаец для мелких услуг, красавец лакей, несколько кочегаров и десятков матросов.

Мы перебрались на "Юнан" к обеду. И обед имел совсем домашний характер. По-домашнему приготавливалось и кофе, - не в поварской, а в столовой, собственноручно: молот старший механик, засыпал и варил первый помощник. Это было венцом обеда, некоторым священнодействием. После обеда все разошлись, кто на вахту, кто спать перед вахтой.

На пароходе уже давно тишина. Тихо и на рейде. Вот вторая склянка, - успокаивающий и слегка грустный звон: бам-бам, бам-бам, - десять часов. Я выбрал себе одну из трех кают возле кают-компания, - каюты на верхней палубе меньше и будут в тропиках жарче. У меня просторно и все прочно, на старинный лад. Есть даже настоящий письменный стол, тяжелый, прикрепленный к стене, и на нем электрическая лампа под зеленым колпаком. Как хорош этот мирный свет, как свеж и чист ночной воздух, проникающий в открытое окно сквозь решетчатую ставню, и как я счастлив этим чистым, скромным счастьем!

Суздальская древняя иконка в почерневшем серебряном окладе, с которой я нигде не расстаюсь, святыня, связующая меня нежной и благоговейной связью с моим родом, с миром, где моя колыбель, мое детство, - иконка эта уже висит над моей корабельной койкой. "Путь твой в море и стезя твоя в водах великих и следы твои неведомы..." Сейчас, благодарный и за эту лампу, и за эту тишину, и за то, что я живу, странствую, люблю, радуюсь, поклонюсь тому, кто незримо хранит меня на всех путях моих своей милосердной волей, и лягу, чтобы проснуться уже в пути. Жизнь моя - трепетное и радостное причастие вечному и временному, близкому и далекому, всем векам и странам, жизни всего бывшего и сущего на этой земле, столь любимой мною. Продли, боже, сроки мои!

13 февраля, Суэцкий канал.

Не слышал, как снялись, - пошли раньше, чем предполагали, задолго до рассвета, когда крепко спал. Потом стал будить скрежет над головой, - это взад и вперед ползала по верхней палубе рулевая цепь: канал извилист, то и дело надо лавировать. Но этот же скрежет и усыплял, усыпляло его однообразие и ощущение, что ты уже в дороге.

День облачный, мутный, ветер сильный и мягкий. К полудню мы были уже далеко от Порт-